

Как из далеча было, из Галичья,
Из Волынца города, из Галичья,
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал -
Выезжал удача добрый молодец,
Молоды Михайла Казаренин.
А и как конь под ним, как бы лютый зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцирь – чиста серебра,
А кольчуга на нем – красна золота,
А куяку и панцирю цена стоит на сто тысячей;
А кольчуга на нем – красна золота,
Кольчуге цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи;
Копье в руках мурзамецкая, как свеча горит,
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчатый,
А цена тому луку три тысячи;
Потому цена луку три тысячи, -
Полосы были булатные,
А жилы – слоны сохатные,
И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Белого шелку шемаханского;
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтора ста стрел,
Всякая стрела по пяти рублей;
А конь под ним – как лютый зверь,

Цены коню – сметы нет;
Почему коню цены сметы нет?
Потому ему цены сметы нет, -
За реку броду не спрашивает;
Он скачет, конь, с берегу на берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.

А и едет ко городу Киеву,
Что ко ласкову князю Владимиру,
Чудотворцам в Киеве молитися
И Владимиру-князю поклонитися,
Послужить верою и правдою,
Позаочью князю, не изменою.
Как и будет он в городе Киеве,
Среди двора княженецкого,
Скочил Казаренин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному;
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Гой еси, удача добрый молодец!
Откуль приехал, откуль тебе Бог принес?
Еще как тебе, молодца, именем зовут?
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати».
И сказал удалой добрый молодец:
«А зовут мене Михайлою Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад».
А втапору стольный Владимир-князь

Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина,
Не велика мера – в полтора ведра,
И проводывает могучего богатыря,
Чтобы выпил чару зелена вина
И турий рог меду сладкого в полтретья ведра.
Принимает Казаренин единой рукой,
А и выпил единым духом,
И турий рог меду сладкого;
Говорил ему ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, молоды Михайла Казаренин!
Сослужи ты мне службу заочную,
Съезди ко морю синему,
Настреляй гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых уток
Ко моему столу княженецкому, -
Долюби я молодца пожалуй!»
Молоды Михайла Казаренин
Великого князя не ослушался,
Помолился Богу, сам и вон пошел.
И садился он на добра коня
И поехал ко морю синему,
Что на теплы, тихи заводи.
Как и будет у моря синего,
На его щаски великие
Привалила птица к берегу;
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых малых уток
Ко его столу княженецкому,
Обвязал он своего добра коня
По могучим плечам до сырой земли
И поехал от моря от синего

Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Наехал в поле сыр крековистый дуб,
На дубу сидит тут черны ворон,
С ноги на ногу переступывает,
Он правильна перушка поправливает,
А и ноги, нос – что огонь горят.
А и тут Казаренину за беду стало,
За великую досаду показалось;
Он, Казаренин, дивуется,
Говорил таково слово:
«Сколько по полю я езживал,
По его государевой вотчине,
Такого чуда не наезживал
И наехал – ныне черна ворона!»
Втапоры Казаренин
Вынимал из налучна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает;
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные;
Чуть было спустит калену стрелу, -
Провещится ему черны ворон:
«Гой еси ты, удача добрый молодец!
Не стреляй мене ты, черна ворона,
Моей крови тебе не пить будет,
Моего мяса не есть будет,
Надо мною сердце не изнести!

Скажу я тебе добычу богатырскую:
Поезжай на гору високою,
Посмотри в раздолья широкая
И увидишь в поле три бела шатра,
И стоит беседа – дорог рыбий зуб,
На беседе сидят три татарина,
Как бы три собаки наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица полоняночка,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казарин спохватывается,
Не стрелял на дубу черна ворона,
Поехал на гору високую,
Смотрил раздолья широкие –
И увидел в поле три бела шатра;
Стоит беседа – дорог рыбий зуб,
На беседе сидят три татарина,
Три собаки наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица полоняночка,
Молода Марфа Петровична,
Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобно причитаючи:
«О злочастная моя буйна голова,
Горе горькая, моя руса коса!
А вечор тебе матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала,
Я сама, девица, знаю, ведаю,
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездникам».
Они те-то речи, татары, договаривают,
А первой татарин проговорит:

«Не плачь, девица, душа красная,
Не скорби, девица, лица белого;
А с делу татарину достанешься,
Не продам тебе, девицу, дешево,
Отдам за сына за любимого,
За мирного сына в Золотой Орде».

Со тыя горы со высокия,
Как ясен сокол напускается
На синем море на гуси и лебеди,
Во чистом поле напускается
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад;
Приправил он своего добра коня,
Принастегивал богатырского,
И в руке копьё морзameцкое:
Первого татарина копьем сколол,
Другого собаку конем стоптал,
Третьего о сыру землю.

Скочил Казаренин с добра коня,
Сохватал девицу за белы ручки,
Русску девицу полоняночку,
Повел девицу во бел шатер.
Как чуть с девицею ему грех творить,
А грех творить, с нею блуд блудить,
Расплачется красная девица:

«А не честь твоя молодецкая, богатырская,
Не спросил ни дядины, ни вотчины,
Княженецкая ль дочь и боярская.

Была я дочи гостиная,
Из Волынца города, из Галичья,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казаренин спохватается:

«Гой еси, душа красная девица,
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мне родна сестра;
И ты как татарам досталася,
Ты как трем собакам наездникам?»

Говорит ему родная сестра:
«Я вечор гуляла в зеленом саду
Со своей сударынею-матушкою,
Как издалеча, из чиста поля,
Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина-наездники,
Полонили мене, красну девицу,
Повезли мене во чисто поле;
А я так татарам досталася,
Трем собакам наездникам».

Молоды Михайла Казаренин
Собирает в шатрах злата, серебра,
Он кладет во те сумы переметные,
Переметные, сыромятные,
И берет беседу – дорог рыбий зуб.
Посадил девицу на добра коня,
На русского, богатырского,
Сам садился на татарского,
Как бы двух коней в поводу повел –
И поехал к городу Киеву.

Въезжает в стольный Киев-град,
А и стольники, приворотники Доложили князю Владимиру,
Что приехал Михайла Казаренин.
Поколь Михайла снял со добра коня Свою сестрицу родимую
И привязал четырех коней к дубову столбу,
Идут послы от князя Владимира,
Велят идтить Михайле во светлу гридню.

Приходил Казаренин во светлу гридню
Со своею сестрицею родимою,
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимиру
И княгине Апраксевне:
«Здравствуй ты, ласковый сударь Владимир-князь
Со душею княгинею Апраксевною!
Куда ты мене послал, то сослужил:
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых малых уток,
А и сам в добыче богатырския:
Убил в поле трех татарин,ов,
Трех собак наездников,
И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну».
Владимир-князь стольный киевский
Стал о том светел-радошен;
Наливал чару зелена вина в полтора ведра
И турий рог меду сладкого в полтретья ведра,
Подносил Михайле Казарину.
Принимает он, Михайла, единой рукой
И выпил единым духом.
Втапоры пошли они на широкий двор,
Пошел князь и со княгинею,
Смотрел его добрых коней,
Добрых коней татарских.
Велел тут князь со добра коня птиц обрать,
И велел снимать сумы сыромятные,
Относить во светлы гридни;
Берет беседу – дорог рыбий зуб,
А и коней поставить велел по стойлам своим.
Говорил тут ласковый Владимир-князь:

«Гой еси ты, удача добрый молодец,
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин-душа Петрович млад!
У мене есть триста жеребцов
И три любимы жеребца,
А нет такого единого жеребца.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою и правдою!»